

Уведомление о совместной прямой трансляции пришло громом среди ясного неба вечером третьего дня обучения.

Ли Юэюэ только что закончила принимать душ — с закрытыми глазами, в спешке, мысленно повторяя закливание очищения сердца ровно двадцать раз, — и сидела на кровати Су Синхао, перед зеркалом отрабатывая сегодняшнее домашнее задание под названием расслабленная поза, когда телефон завибрировал. Это было сообщение от сестры Ли, лаконичное и бьющееся в глаза каждым словом, словно раскаленный гвоздь.

[Сестра Ли: Завтра в восемь вечера у тебя и Чжу Чжисиня совместная прямая трансляция. Платформа добавила её в последний момент для разогрева перед шоу на следующей неделе. Длительность сорок минут. Сценарий отправлен тебе на почту, изучай прямо сейчас.]

Ли Юэюэ уставилась на строчку двойной прямой трансляции с Чжу Чжисинем, и её мозг был пуст ровно десять секунд. Никакого монтажа, никакой постобработки, никакой возможности переснять неудачный дубль — каждый кадр, каждое выражение лица будут разобраны на стоп-кадры и подвергнуты тщательному анализу. И её партнёром был не кто-нибудь другой, а Чжу Чжисинь — человек, который уже что-то заподозрил и за обеденным столом чуть не загнал её в угол одной-единственной фразой: что это с нашими Чжу-Су?

Она положила телефон на кровать, встала, сделала три круга на месте, затем снова взяла гаджет и дрожащими пальцами отправила сообщение Су Синхао.

[Су Синхао: Совместная прямая трансляция. Завтра вечером. С Чжу Чжисинем. Сорок минут.]

Ответ пришел практически мгновенно. Всего один знак препинания.

[Ли Юэюэ: ?]

Следом шло второе сообщение.

[Ли Юэюэ: Скинь мне сценарий.]

Ли Юэюэ переслала файл со сценарием, который прислала сестра Ли, после чего скрестила ноги на кровати и стала ждать приговора. Прошло минут пять, и сообщения от Су Синхао посыпались одно за другим с такой скоростью, что у неё почти не оставалось времени на чтение.

[Ли Юэюэ: Сценарий я изучил. Первая часть — вопросы от фанатов, ведущий будет случайным образом вытягивать их из чата, а вы должны отвечать. Эта часть самая опасная, потому что вопросы непредсказуемы, предугадать их невозможно. Вторая часть — проверка на взаимопонимание: ведущий задает вопрос, вы с Чжу Чжисинем отвечаете одновременно, а мы смотрим, совпали ли ответы. Для этого есть база вопросов, но она огромна, и сегодня ночью ты

обязана зазубрить правильные ответы назубок. Третья часть — демонстрация талантов: просто спой какую-нибудь песню, мой голос при тебе, с вокалом проблем не возникнет.]

[Ли Юэюэ: Сначала разберем принципы поведения во время сессии вопросов и ответов. Во-первых, перед любым ответом делай паузу в полсекунды. Моя привычка — услышав вопрос, сделать короткую заминку на подумать, не из-за нерешительности, а чтобы сформулировать мысль. Во-вторых, если попадается незнакомый вопрос, уводи разговор с помощью универсальных фраз-шаблонов. Я выписал тебе пять штук, выучи их сегодня накрепко. В-третьих, если в чате попрут вопросы шипперского характера — а они точно попрут — не отвечай напрямую и не отнекивайся грубо. Стандартная реакция: приподнять бровь и бросить: вы вообще о чём думаете круглыми сутками? Угол и ритм подъема брови мы уже отработывали, сегодня повтори это движение ещё раз пятьдесят.]

[Ли Юэюэ: Теперь что касается проверки на взаимопонимание. Базу вопросов я просмотрел, в основном это вещи из периода трейни и после дебюта, ты должна их знать. Но учти один нюанс: не отвечай слишком быстро. Наш с Чжу Чжисинем уровень взаимопонимания действительно высок, на многие вопросы он выдает ответ моментально, и ты тоже должна реагировать без задержек. Но ты раньше не играла с ним в эту игру и не знаешь темпа его мгновенных ответов. Поэтому, если он ответит быстрее тебя, просто подстраивайся под его вариант, делая вид, что думаешь точно так же. Если же он задержится с ответом, ответ первая и после этого ничего не добавляй и не объясняй — просто улыбнись.]

[Ли Юэюэ: И наконец, мимика. Прямой эфир — это не сцена, камера зафиксирует абсолютно все твои микровыражения. Когда ты нервничаешь, ты имеешь привычку покусывать нижнюю губу — я никогда так не делаю. Во время разговора ты часто бегаешь глазами — моя частота моргания и движения глаз значительно ниже. Когда ты смеешься, то прикрываешь рот рукой — я никогда себе такого не позволяю. Завтра тебе нельзя делать ни одно из этих трех движений.]

Ли Юэюэ прочитала всё от начала до конца и вздрогнула. Не из-за страха — ладно, отчасти из-за него, — а куда больше от потрясения. Всего за пять минут Су Синхао разложил сорока минутный эфир на десятки поддающихся количественной оценке, тренировке и минимизации рисков элементов. Казалось, у него была врожденная способность превращать сложную, полную неопределенности ситуацию в четкий выполнимый план. Раньше она считала его просто танцевальным гением, но теперь поняла, что его способность к самоконтролю простирается далеко за пределы сцены.

Она открыла заметки в телефоне, систематизировала все пункты, присланные Су Синхао, в руководство по выживанию на трансляции и принялась за тренировки. Сначала — универсальные фразы. Су Синхао выделил пять вариантов: первое: мне нужно подумать над этим вопросом, прежде чем отвечать — для потягивания времени. Второе: вы помните лучше меня — в ответ на вопросы о деталях, касающихся участников. Третье: это отличный вопрос — универсальная связка, которая в сочетании с кивком позволяет выиграть еще три секунды. Четвертое: мы все хорошие парни — стандартная фраза уклонения от вопросов шипперского характера. Пятое: вы вообще о чём думаете целыми днями — дословная фраза Су Синхао, интонация должна балансировать на грани между беспомощностью и забавностью, без излишнего холода или тепла.

Перед зеркалом она прогнала каждую фразу по двадцать раз. Пятая давалась тяжелее всего: нужно было слегка покачать головой, одновременно приподнимая бровь, а кривизну уголка рта удерживать в тончайшем диапазоне между «меня это забавляет, но признавать я не собираюсь». Прозанимавшись до глубокой ночи и доведя лицевые мышцы до ноющей боли, она наконец кое-как достигла уровня сойдет на первое время, которого требовал Су Синхао.

Затем последовала база вопросов для проверки на взаимопонимание. Су Синхао заново перелопатил её, прописав стандартные ответы на каждый вопрос, вероятные склонности Чжу Чжисиня и меры предосторожности на случай несовпадения ответов. Уткнувшись в телефон, Ли Юэюэ зубрила материал до двух часов ночи, и в какой-то момент до неё дошло абсурдность ситуации: раньше она во сне видела, как бы узнать все эти подробности об отношениях Су Синхао и Чжу Чжисиня, а теперь не просто знала их, но вынуждена учить как билеты к экзамену.

Следующий день прошел для Ли Юэюэ в сплошной тревоге. На репетиции она изо всех сил старалась вести себя естественно, но казалось, что взгляды Чжу Чжисиня падали на неё чаще, чем в предыдущие дни. В какой-то момент, когда она поправляла осанку перед зеркалом, боковым зрением она заметила, как Чжу Чжисинь прислонился к стене и наблюдает за ней — этот тихий, оценивающий взгляд напоминал решение задачи, к которой еще не найден ответ.

В шесть часов вечера Су Синхао прислал последние предбоевые инструкции.

[Ли Юэюэ: Во время трансляции я буду на связи от начала и до конца. Если что-то пойдет не так, я скину сообщение, просто сделай вид, что смотришь в телефон. Помни, в эфире ты не одна. За каждым твоим движением стою я и подстраховываю.]

Ли Юэюэ перечитала эту фразу трижды. Затем заблокировала экран, глядя в зеркало поправила волосы — те самые чёлка и прядки у лба, которые она по инструкции растрепала под нужным углом, чтобы были видны брови, но при этом всё выглядело не слишком прилизанно. Она поправила воротник: белая футболка в сочетании с черным повседневным пиджаком подходила идеально, стилист подобрал образ заранее, назвав его небрежным, но фактурным. В завершение она изобразила перед зеркалом стандартную легкую улыбку — уголки губ чуть приподняты, уголки глаз расслаблены, ровно настолько, насколько требуется.

Местом для трансляции служила небольшая студия компании, фоном выступал рекламный стенд нового альбома. Когда Ли Юэюэ прибыла, сотрудники уже вовсю настраивали свет и аппаратуру. Чжу Чжисинь пришел на пару минут раньше и сидел на диване, уткнувшись в телефон; на нем была темно-синяя толстовка, а волосы, судя по укладке, были слегка взъерошены. Услышав шаги, он поднял голову, и его взгляд на мгновение задержался на лице Ли Юэюэ.

— Пришла? — бросил он. Тон был самым обычным, но Ли Юэюэ почему-то казалось, будто в этом взгляде что-то таится.

— Пришла, — ответила она, подошла и опустилась на диван рядом с ним. Расстояние между

ними составляло ровно половину диванной подушки — не слишком далеко, но и не близко, выверенная до мелочей социальная дистанция.

Подошел сотрудник, чтобы закрепить на них петличные микрофоны, визажист быстренько припудрила лица тонким слоем пудры. Режиссер тем временем сверялся со сценарием:

— Пять минут до обратного отсчета. Сегодня в чате может быть очень жарко, если увидите вопросы шипперского толка — не паникуйте, то, о чем говорить не хотите, просто пропускайте. Главное — естественность, зрителям нравится наблюдать за вашим настоящим общением.

Настоящее общение. Ли Юэюэ горько усмехнулась про себя. Она, человек, над которым навис дамоклов меч разоблачения, собиралась вовсе изображать естественное общение с коллегой по группе перед лицом всей страны.

Одна минута до начала. Съёмочная группа отошла за камеры, освещение в студии переключилось в запрограммированный режим, на двух основных камерах загорелись красные огоньки. Чжу Чжисинь скосил на неё глаза, уголки его губ тронула легкая улыбка, и он произнес так тихо, что услышать могла только она:

— Не нервничай, я рядом.

От этих слов у Ли Юэюэ внутри всё сжалось. Не от трепета — ладно, едва-едва от него, — сколько от страха. Чжу Чжисинь сказал не нервничай, значит, заметил, как она напряжена. Разве стал бы Су Синхао нервничать в подобной обстановке? Вовсе нет, Су Синхао крутился в этой сфере уже несколько лет, и сорока минутный эфир для него — рутинная работа. Стиснув зубы, она задействовала все мимические мышцы и выдала в ответ фирменную безмятежную улыбку Су Синхао:

— С чего бы мне нервничать.

Чжу Чжисинь усмехнулся и отвел взгляд.

Режиссер начал отсчет:

— Пять, четыре, три, два, один — начали!

Картинка трансляции вышла в эфир. Количество зрителей в правом верхнем углу за секунды подскочило с нескольких тысяч до десятков тысяч, чат хлынул прорванной плотной, мгновенно заполнив весь экран. Ли Юэюэ бросила беглый взгляд на монитор: сплошные «ааааа Чжу-Су воссоединились», «Су Синхао сегодня невероятно красив», «Чжу Чжисинь, посмотри на меня». Она вернула взгляд на камеру и сделала так, как учил Су Синхао: первые тридцать секунд эфира можно не произносить ни слова, просто расслабленно сидеть и дать Чжу Чжисиню возможность первому взять инициативу в свои руки.

Чжу Чжисинь привычно начал вступительную речь:

— Всем привет, я Чжу Чжисинь.

Ли Юэюэ подхватила ровным голосом, понижая интонацию к концу фразы:

— Всем привет, я Су Синхао.

Чт сошел с ума. «У Су Синхао такой потрясающий голос», «эти двое смотрятся вместе как со страницы глянцевого журнала», «я уже устала повторять, что Чжу-Су самая реальная пара на свете».

С улыбкой бросив взгляд в чат, Чжу Чжисинь повернулся к камере:

— Сегодня мы здесь, чтобы анонсировать специальный проект нашего шоу на следующей неделе, а заодно просто поболтать с вами, мы давно не устраивали парных трансляций.

Ли Юэюэ кивнула, воздерживаясь от лишних слов. Су Синхао предупреждал: первые пятнадцать минут трансляции самые опасные, поскольку чат безумствует, вопросы сыплются изо всех сил, и оступиться ничего не стоит. Нужно наблюдать, привыкать к темпу, а когда состояние стабилизируется — понемногу расслабляться.

Первые несколько вопросов оказались вполне дружелюбными: какая песня с нового альбома нравится больше всего, какие забавные истории были на съемках клипа, что вы сейчас слушаете из музыки. Ли Юэюэ отвечала строго по заготовкам Су Синхао — темп чуть выше среднего, но артикуляция четкая, фразы короткие, интонация в конце нисходящая. Чжу Чжисинь изредка подхватывал и добавлял пару слов, их слаженность казалась абсолютно безупречной.

Затем ведущий перешел к блоку вопросов из чата. Вытащив первый вопрос, ведущий зачитал настоящее бомбочку от пользователя с ником «Выпустили ли Чжу-Су сегодня сахар?»:

— Вопрос к Су Синхао: как ты относишься к лозунгу Чжу-Су самая реальная пара?

Чт взорвался мгновенно. «Ведущий смельчак», «лицо Су Синхао сейчас покраснеет», «он приподнял бровь, он приподнял бровь». Ли Юэюэ действительно приподняла правую бровь — ровно на три десятых секунды, угол идеальный, точь-в-точь по инструкциям Су Синхао. Затем она слегка покачала головой, изобразив на губах тонкую улыбку с оттенком беспомощности и комичности ситуации, и произнесла фразу, которую репетировала пятьдесят раз:

— Вы вообще о чём думаете круглыми сутками?

Интонация была выдержана безупречно: шесть долей беспомощности, три доли забавности, а оставшаяся доля — еле заметное попустительство. Чт снова утонул в волне сообщений. Чжу Чжисинь рядом тихонько рассмеялся и перехватил инициативу:

— Она имеет в виду наш пейринг-слоган.

Ли Юэюэ почти рефлекторно вставила:

— Я в курсе. Я вообще-то тоже в интернете сижу.

Этого предложения Су Синхао её не учил, это была её собственная импровизация на ходу, но тон, ритм и пауза оказались выдержаны идеально. Чжу Чжисинь повернулся и взглянул на неё, в его глазах промелькнула тень удивления и еще чего-то неуловимого. Рисковать и смотреть в ответ она не стала, сделав вид, что полностью поглощена чатом.

Ведущий задал еще парочку относительно мягких вопросов, после чего снова попал точно в минное поле:

— Следующий вопрос: Су Синхао, если бы тебе предложили сравнить Чжу Чжисиня с каким-нибудь животным, кого бы ты выбрал?

Мозг Ли Юэюэ заработал на предельных оборотах. В базе вопросов от Су Синхао такого пункта не было. Но она вспомнила, что в каком-то из прошлых видеоматериалов Су Синхао уже отвечал на похожий вопрос, и ответом была кошка — потому что Чжу Чжисинь кажется холодным и неприступным, но стоит сблизиться, как начинает липнуть. Она уже собиралась выдать этот ответ, как вдруг в кармане сбоку дивана завибрировал телефон. Скосив глаза на экран, она увидела всего одно слово от Су Синхао.

[Ли Юэюэ: Кошка.]

Её реплика и подсказка на удаленке совпали секунда в секунду. Открыв рот, Ли Юэюэ произнесла спокойным тоном:

— Наверное, кошку. С виду холодный, но когда привыкнешь — очень прилипчивый.

Чт снова взревел, а Чжу Чжисинь опустил голову и усмехнулся, причем в этой улыбке крылся какой-то трудноуловимый подтекст. Ли Юэюэ не была уверена, была ли это реакция на шутку или подтверждение каких-то его догадок.

Когда они перешли к этапу проверки на взаимопонимание, количество зрителей в чате уже побило все рекорды платформы. Ведущий достал опросник:

— Первый вопрос: какое любимое блюдо у Чжу Чжисиня?

Ли Юэюэ выпалила без раздумий:

— Хого.

Чжу Чжисинь одновременно с ней перевернул табличку, на которой было выведено: хого. Ведущий рассмеялся:

— Совпадение! Похоже, слаженность никуда не делась.

В чате побежали комментарии: химия осталась прежней.

— Вопрос второй: что Су Синхао делает в первую очередь, проснувшись поутру?

Чжу Чжисинь почти не раздумывая выдал:

— Зависает в телефоне.

Ли Юэюэ перевернула свою табличку — там тоже красовалось: зависает в телефоне. Снова совпадение. Внутри она чуть заметно выдохнула. База Су Синхао была прописана предельно четко: правильным ответом значился именно телефон, Чжу Чжисинь уже отвечал так в каком-то шоу.

После пяти подряд совпадений в чате запестрели сообщения: Чжу-Су существуют на самом деле, это безумное взаимопонимание. И тут ведущий выдал седьмой вопрос:

— Какой поступок Су Синхао тронул Чжу Чжисиня больше всего?

Пальцы Ли Юэюэ на секунду замерли. В вопроснике Су Синхао этот пункт числился в серой зоне — стандартного ответа не существовало, поскольку даже сам Су Синхао не был уверен, что именно назовет Чжу Чжисинь. Лихорадочно перебрав в памяти старые материалы, она опустила голову и перевернула табличку. Чжу Чжисинь тоже закончил писать и повернул свою:

— Покупал мне завтраки по утрам.

На табличке Ли Юэюэ красовались те же самые три слова. Снова совпадение. Но она заметила, как при виде её ответа взгляд Чжу Чжисиня на мгновение изменился. Это было не удивление, а нечто гораздо более тонкое — словно кто-то обнаружил пазл, которого там быть не должно.

К тридцатой минуте эфира Ли Юэюэ почти уверена была, что ей удастся пройти это испытание безупречно. Мимика под контролем, заготовленные реплики льются как по маслу, а взаимодействие с Чжу Чжисинем выглядит сшитым белыми нитками, к которым не подкопаешься. В чате, помимо визгов шипперов, начали мелькать комментарии случайных зрителей: у Су Синхао сегодня потрясающий вид, кажется, он даже мягче, чем обычно.

Затем ведущий объявил о переходе к финальному этапу — Честному испытанию. Правила элементарны: они задают друг другу по одному вопросу и обязаны отвечать правду. Первым спрашивал Чжу Чжисинь. Повернувшись к Ли Юэюэ, он уставился на неё своими персиковыми глазами, казавшимися в свете софитов особенно глубокими, и заговорил негромко, чеканя каждое слово:

— Су Синхао, как ты считаешь, в какой момент наше взаимопонимание было самым сильным?

Мозг Ли Юэюэ мгновенно превратился в чистый лист. Вопрос отсутствовал в базе. Он не значился ни в одном из вариантов сценария. Чжу Чжисинь придумал его сам, перед лицом сотен тысяч зрителей, в упор глядя на неё и ожидая ответа. Она не могла сказать не знаю, не могла бросить угадай сам или отделаться дежурной фразой — ведь это честное испытание, от неё ждут правдивого, конкретного ответа.

Она опустила голову, делая вид, что погружена в раздумья, и одновременно бросила быстрый взгляд на экран телефона. Сообщение от Су Синхао уже ждало её.

[Ли Юэюэ: Во времена трейни, когда у нас был ежемесячный экзамен и мы устраивали импровизированный баттл без всяких репетиций, но стоило заиграть музыке, как мы оба с полуслова понимали, что предпримет другой. Тот раз я считаю пиком нашего взаимопонимания.]

Подняв голову, Ли Юэюэ посмотрела прямо в глаза Чжу Чжисиню и слово в слово повторила заготовку Су Синхао. Тон звучал естественно, с легким оттенком ностальгической нежности. Чт на мгновение затих, а затем завалил эфир сообщениями: ааа, это так до слез, период трейни у Чжу-Су — моя ахиллесова пята. Зато на лице Чжу Чжисиня произошло едва уловимое движение — его зрачки чуть сузились, а изгиб губ застыл на какую-то долю секунды.

А потом он улыбнулся. Эта улыбка не имела ничего общего со всеми предыдущими. Никакой наигранной мягкости, никаких шуточек между напарниками — это было нечто более глубокое и сложное. Будто он наконец отыскал то, что долго искал, или же находка эта оставила его разочарованным.

— Твоя очередь, — Чжу Чжисинь отвел взгляд, выдержав легкий тон. — О чем ты хочешь спросить меня?

Что именно она спросила, Ли Юэюэ уже толком не помнила — вероятно, какой-то дежурный вопрос из списка безопасных. Что ответил Чжу Чжисинь, она тоже не уловила, потому что её сознание все еще переваривало только что пережитый миг. К чему было это выражение лица у Чжу Чжисиня? Неужели в ответе Су Синхао крылся подвох? Но ведь каждое её слово было написано самим Су Синхао, ошибки быть не могло. И тем не менее, эта улыбка и этот взгляд явно что-то значили.

К исходу эфира объем сообщений в чате достиг пика. Ведущий зачитывал финальные слова, благодарил зрителей, платформу и рекламировал шоу на следующую неделю. Чжу Чжисинь вместе с ней сделали для камеры прощальный жест — они вдвоем повторили ключевое движение из хореографии грядущего альбома.

А затем Чжу Чжисинь неожиданно подался вперед.

Его движение выглядело непринужденно, словно он просто хотел поудобнее устроиться или шепнуть ей что-то на ушко. Камеры продолжали снимать, но петличные микрофоны не могли уловить звук с такого расстояния. Его плечо почти вплотную прижалось к её плечу, передавая сквозь слои одежды живое тепло. Слегка наклонив голову, он приблизил губы к самому её уху, и его дыхание легко коснулось её мочки. Ли Юэюэ окаменела, а пальцы на диванной обивке сжались в кулаки. Его голос звучал тихо-тихо, различимо лишь для неё одной, а поток воздуха на слуховой перепонке покрыл её кожу мурашками.

— Хотя понятия не имею, кто ты, — произнес он, — но играешь здорово.

Улыбка на лице Ли Юэюэ застыла насмерть.

Эта секунда тянулась бесконечно долго. Она слышала, как бешено грохочет собственное сердце в груди, чувствовала, как с её щек схлынула краска, видела мигающий красный огонек на объективе камеры и понимала, что по ту сторону экрана за её застывшей улыбкой наблюдают сотни тысяч людей. Курс мимики Су Синхао вылетел из головы, оставив абсолютную пустоту. Никаких покусываний губ, бегающих глаз или прикрываний рта руками — она просто окаменела, забыв, как дышать.

И тут на самом дне её сознания автоматически активировалась нейронная цепочка, над которой Су Синхао бился целых два дня. Её правая бровь слегка приподнялась — три десятых секунды, идеальный угол. Уголки рта вновь изогнулись — ровно шесть долей беспомощности, три доли забавности и одна доля попустительства. Повернув голову и отстранившись от Чжу Чжисиня на безопасное расстояние, она бросила в ответ громкостью ровно на двоих:

— Понятия не имею, о чем ты.

Голос ровный. Нисходящая интонация. Четкая дикция. Она и сама удивилась собственной невозмутимости.

Чжу Чжисинь смотрел на нее, и в его персиковых глазах впервые с начала трансляции промелькнула подлинная эмоция — не оценка, не прощупывание почвы, а неподдельное, неожиданное восхищение. Слово он говорил: надо же, умудриться выкрутиться в такой ситуации, любопытно.

Режиссер скомандовал стоп. Прямой эфир официально завершился. Толпа сотрудников бросилась отключать микрофоны, поправлять макияж и согласовывать дальнейший график. Когда Ли Юэюэ поднималась на ноги, колени едва заметно дрожали, но она держала себя в руках, шагая в сторону гримерки ровной походкой Су Синхао, с выверенным центром тяжести. Войдя внутрь, она заперла дверь и убедилась, что шторы задернуты плотно и за ними никого нет. Достав телефон, она увидела светящийся экран и одно непрочитанное сообщение.

[Ли Юэюэ: Тот ответ я не пересылала тебе заранее, выдала на ходу, когда Чжу Чжисинь задал вопрос. Седьмой вопрос проверки на взаимопонимание, когда Чжу Чжисинь написал покупал мне завтраки по утрам, ты заметил его выражение лица?]

Пальцы Ли Юэюэ зависли над экраном, не зная, что ответить. Су Синхао не стал спрашивать, как прошла трансляция, не поинтересовался, не прокололась ли она и почему в самом конце её лицо на миг окаменело. Его интересовало выражение лица Чжу Чжисиня. Находясь за десятки километров отсюда, сквозь экраны и объективы камер он уловил деталь, которую пропустила она сама.

Наконец она набила и отправила строчку.

[Су Синхао: Он раскусил нас. И сказал мне фразу на ухо.]

На том конце воцарилось молчание на несколько секунд.

[Ли Юэюэ: Что он сказал?]

[Су Синхао: Он сказал: хотя понятия не имею, кто ты, но играешь здорово.]

Пауза на этот раз затянулась еще сильнее. Ли Юэюэ неотрывно смотрела на мерцающую надпись печатает..., которая то появлялась, то исчезала вновь. Наконец сообщение выскочило на экран.

[Ли Юэюэ: Раз он не стал разоблачать тебя перед камерой, значит, не хочет раздувать скандал. Но раз карты раскрыты, впредь он будет следить за тобой еще пристажнее. Готовься.]

[Су Синхао: Что мне делать?]

[Ли Юэюэ: Ничего. Никаких оправданий, не заводи эту тему первой, не показывай ни единой слабину перед ним. Это прощупывание почвы: чем меньше реакций ты ему дашь, тем сильнее он будет сомневаться в собственных догадках. Единственное, что тебе остается — продолжать играть. Играть до тех пор, пока он сам не решит, что ему показалось.]

Глядя на эти строки, Ли Юэюэ вдруг отчетливо поняла одну вещь. Су Синхао от начала и до конца не спросил, насколько точно тот угадал. Не поинтересовался, догадался ли он, что это она. Каждое его слово было направлено на решение проблемы: сколько противник знает, что делать дальше, как минимизировать ущерб. Раньше, будучи фанаткой, она считала Су Синхао просто талантливым парнем. Теперь же, став его соучастницей по преступлению против реальности, она осознала, что его превосходство простирается далеко за рамки сцены. Это была способность сохранять холодный рассудок в любых обстоятельствах и мгновенно выстраивать стратегию. Она вспомнила его слова с ночной тренировки: в эфире ты не одна, за каждым твоим движением стою я и подстраховываю. Он вовсе не пытался её утешить — он констатировал факт.

Из коридора донеслись шаги и голоса. Работники сустились в проходе, а при переноске оборудования раздавались глухие стуки. Линь Юэюэ сидела перед гримерным зеркалом, глядя на принадлежавшее Су Синхао лицо. Макияж немного поплыл, на переносице проступил тонкий слой жирного блеска, но глаза горели — не возбужденным блеском, а напряженным, как у бойца, только что завершившего первый круг отборочных и знающего, что впереди его ждут бесчисленные испытания.

Телефон снова вибрировал.

[Линь Юэюэ: Ты сегодня отлично справилась. Отдыхай, завтра продолжим тренировки.]

Линь Юэюэ долго вглядывалась в эти слова. Затем она отложила телефон и, глядя в зеркало,

медленно, миллиметр за миллиметром, стерла с лица макияж. Когда ватный диск для снятия макияжа скользнул по лбу, ее руки все еще слегка дрожали. Не от страха. А потому, что она только что перед лицом сотен тысяч зрителей вытянула прямую трансляцию, которая в любой момент могла провалиться, услышала придвинутый к самому уху разоблачающий шепот человека, насквозь ее видевшего, и при этом не изменилась в лице, поймав эту фразу. Она справилась. Пусть все было не идеально, но в той ситуации она не сломалась.

В зеркале на нее смотрело лицо Су Синьхао. Форму бровей она подкорректировала сама, а усталость во взгляде была ее собственной. Но на этом лице постепенно проступало то, чего она раньше никогда в себе не замечала. Не уверенность, не храбрость, а стойкость. Та самая стойкость человека, которого прижали к стене, но который неожиданно обнаружил, что все еще способен встать.

Она бросила последний ватный диск в мусорное ведро, встала и подошла к окну. За стеклом раскинулся ночной пейзаж мегаполиса, мириады огней сливались в единое сияющее море. Она вспомнила слова Су Синьхао, сказанные в первый вечер: С тебя сцена. Вспомнила она и свой тогдашний ответ: Хорошо.

Произнося это хорошо, в глубине души она совсем не была уверена в успехе. Но теперь эта уверенность понемногу появлялась. Не потому, что ее актерское мастерство улучшилось, а потому, что она поняла: страх перед сценой можно разложить на составляющие. Одно движение брови можно разделить на два этапа: подъем брови у переносицы и взлет ее излома. Получасовую прямую трансляцию можно разбить на десятки поддающихся тренировке контрольных точек. Огромную, невыполнимую задачу можно расчленить на бесчисленные крошечные шаги, которые вполне по силам одолеть. Су Синьхао научил ее этому. Быть может, однажды она действительно сможет вернуть ему долг в виде той самой сцены.

<http://bllate.org/book/20903/2113177>